

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Перед советскими исследователями в области древней истории стоят широкие задачи изучения самых разнообразных сторон жизни древнего мира: социально-экономического строя древних обществ и их культуры, их политической истории и их идеологии, истории классовой борьбы и истории производства.

Среди всех этих задач одной из основных является, разумеется, изучение проблем социально-экономического развития.

На страницах ВДИ в последнее время проходило обсуждение одной из важнейших сторон этой проблемы — вопросов положения производителей материальных благ в различных странах древнего мира. Это обсуждение до известной степени позволяет составить суждение о современном состоянии наших знаний в этой области и наметить направление дальнейших исследований.

В области изучения социально-экономической истории древнего Востока наибольшее внимание в нашей науке уделялось проблемам истории древнего Шумера и, главным образом, вопросу о положении трудящихся в храмово-царском хозяйстве. Что касается «Вестника древней истории», то в ходе обсуждения положения производителей материальных благ истории Шумера были посвящены статьи А. И. Тюменева, В. В. Струве и И. М. Дьяконова. Осуществляются также и исследования социально-экономической истории Египта, Ассирии, Хеттского царства, Угарита, Урарту, древней Индии, Китая. По этим вопросам в ВДИ были опубликованы работы И. М. Лурье, В. В. Черезова, И. М. Дьяконова, И. М. Дунаевской, М. Л. Гельцера, Г. А. Меликишвили, Г. Ф. Ильина, Т. В. Степугиной, Л. В. Симоновской и Р. Ф. Итса.

Сопоставление материала и выводов отдельных конкретных исследований, в том числе и опубликованных в ВДИ, позволяет сказать, что в настоящее время в нашей науке уже имеется достаточно четкое представление о своеобразии социально-экономической истории древнейших рабовладельческих обществ, о сходстве и различии в процессах этого развития не только между древнейшими обществами Востока, с одной стороны, и античными обществами, с другой, но и о конкретных, во многом отличных друг от друга путях социально-экономического развития отдельных стран древнего Востока.

Общей, наиболее характерной чертой социально-экономического строя древнейших рабовладельческих обществ, несомненно, являются значительные пережитки первобытно-общинных отношений, которые выражались в длительном сохранении сельской общины, своеобразных формах эксплу-

атации крестьянства и рабов, замедленном развитии частной собственности на землю, частных рабовладельческих хозяйств и товарно-денежных отношений.

Вместе с тем в ходе изучения конкретных явлений социально-экономической истории этих обществ выясняются и те вопросы, которые остаются пока еще очень темными и требуют наиболее пристального исследования.

Поскольку, как отмечалось выше, пережитки первобытно-общинного строя составляют наиболее характерную черту древнейших рабовладельческих обществ, постольку очевидно, что вопросы истории производителей материальных благ в этих обществах неразрывно связаны с проблемой общины и ее разложения и что, следовательно, всестороннее освещение их невозможно без изучения всего комплекса поземельных отношений.

Новейшие исследования, и, в частности, обсуждение положения производителей материальных благ, проходившее на страницах ВДИ, показали, что изучение вопросов истории трудящихся в отрыве от проблемы аграрных отношений в большинстве случаев не дает прочных результатов. Так, обсуждение вопроса о древнеегипетских *мерет* привело пока только к негативным выводам.

Опыт изучения положения рабов в древней Индии также показывает, что вопрос о роли рабов в ее экономике не может найти полного освещения до тех пор, пока не будет по мере возможностей, даваемых источниками, исследовано положение других категорий трудящихся древней Индии, изучение же этого круга вопросов также невозможно без исследования аграрных отношений.

Это положение правильно и для истории Шумера. Работы последних лет показали, что для освещения развития рабовладельческих обществ Шумера и Аккада наряду с изучением храмово-царского хозяйства чрезвычайно важно также исследование процессов, протекавших за его пределами, в недрах сельских общин, где в процессе их постепенного разложения, главным образом, и развивалось, повидимому, частное рабовладельческое хозяйство.

Взаимная зависимость между политическим и юридическим положением населения древних государств и его отношением к земле, на которую указывал еще Маркс, определяет также необходимость учитывать при изучении аграрных отношений и вопрос о социально-политической структуре древневосточного города, исследование которого в нашей науке едва только намечается.

Все сказанное, несомненно, относится и к социально-экономической истории прочих древневосточных обществ, изучению которых в нашей науке и в «Вестнике древней истории» уделяется пока еще мало внимания. Особенно важно было бы исследовать социально-экономические отношения, существовавшие в хурритских и новохеттских обществах, а также углубить и расширить изучение социально-экономического строя Хеттского царства, поскольку хурритские и хеттские источники, например документы Нузи, содержат много данных для освещения этих вопросов и аграрного строя в частности. Совершенно недостаточно используется у нас в последнее время такой ценный, но очень сложный источник для социально-экономической истории Передней Азии в целом и даже Египта, как «Библия». Социально-экономическая история Китая разработана у нас крайне слабо. На страницах ВДИ очень редко помещаются статьи по этому вопросу. Наши исследовательские учреждения не установили еще творческих связей с учеными Китайской Народной Республики, где вопросы экономики и классовой борьбы в древнейшие периоды истории Китая находят все большее внимание. Недостаточно содействует этому и наш журнал.

Таким образом, современное состояние изучения социально-экономического строя древнего Востока настоятельно требует концентрации усилий специалистов на истории аграрных отношений, без глубокого исследования которых невозможно выяснение коренной проблемы развития рабовладельческой частной собственности. Характеризуя содержание понятия «производственные, экономические отношения», И. В. Сталин писал: «Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положения различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: „взаимный обмен своей деятельностью“; в) всецело зависящие от них формы распределения продуктов» («Экономические проблемы социализма в СССР», 1952, стр. 73).

При этом следует отметить, что параллельное исследование одних и тех же вопросов на материале различных стран, находившихся на одной и той же ступени исторического развития, может оказать самую существенную помощь в истолковании порой тех темных и отрывочных источников, на основании которых приходится изучать историю древнего Востока.

В области изучения социально-экономического строя античного мира наиболее исследованы в нашей науке вопросы истории рабовладения, классовой структуры в целом и классовой борьбы, а для некоторых периодов античной истории и положение крестьянства. «Вестник древней истории» специально уделял внимание ряду этих вопросов, в частности в ходе обсуждения положения производителей материальных благ: статьи С. И. Соболевского, Я. А. Ленцмана и Л. Н. Казамановой освещали вопросы развития рабовладения в Греции, статьи В. Н. Ярхо — вопросы положения афинского крестьянства, работы Е. М. Штаерман, М. Е. Сергеев, А. Б. Рановича, М. Я. Сюзюмова — положение рабов и крестьянства в Риме. Однако, не говоря уже о малочисленности этих работ, все еще остаются недостаточно изученными другие стороны социально-экономической истории, например, проблема землевладения и неразрывно с ней связанный вопрос о полисе.

В результате изучения социально-экономической истории древней Греции удалось установить особенности рабовладельческих отношений в Афинах; некоторое внимание уделялось и социально-экономическим отношениям в Спарте, однако здесь остается еще много неразрешенных вопросов: к сожалению, в ВДИ эти вопросы затрагивались только попутно, в связи с историей Крита.

Как для классической Греции, так и для республиканского Рима наряду с вопросами истории трудящихся масс наиболее актуальными являются вопросы развития частного землевладения, его места в рамках полиса, его соотношения с *ager publicus* и связанная со всеми этими вопросами проблема полиса в целом, наконец, вопрос о концентрации земли и роли ее в процессе кризиса полиса. Между тем, в «Вестнике древней истории» этим проблемам за последнее время были посвящены лишь единичные статьи (С. Л. Утченко и О. В. Кудрявцева).

Особое внимание должно быть уделено также привлечению эпиграфического и археологического материала, который до сих пор в нашей науке использовался совершенно недостаточно.

Важно также не ограничиваться изучением истории Афин и Спарты или самого Рима, но обратиться к социально-экономической истории других областей Эллады, как передовых (Коринф, Мегары, Сикион, некоторые полисы островной и малоазийской Греции), так и отсталых, а также к истории отдельных городов и областей Италии, Сицилии и римских провинций. По этим вопросам в ВДИ не было за последнее время ни одной статьи.

Значительные сдвиги в дешифровке минойской письменности и новейшие археологические открытия в Греции и Передней Азии ставят на очередь вопрос о серьезном пересмотре существующих представлений о социально-экономическом развитии Восточного Средиземноморья в XIV—VII вв. до н. э.

Насущной потребностью нашей науки является усиленное исследование в свете новых археологических открытий социально-экономического строя этрусков, которое, повидимому, может пролить свет на такой важный вопрос, как сходство и различие путей развития так называемых восточных и античных обществ. Исследование с привлечением эпиграфических и археологических материалов аграрного строя Италии в период Римской республики имело бы важное значение как для изучения этого вопроса, так и для выяснения причин возникновения Римской империи.

Экономика Карфагена представляет существенный интерес, в частности потому, что в данном случае древневосточный по происхождению город развивался, вероятно, в дальнейшем теми же путями, что и античные полисы; при изучении социально-экономического строя Сицилии необходимо обратить внимание на его сходство с явлениями, характерными и для эллинистических стран.

Сравнительно много, особенно за последнее время, сделано в нашей науке по изучению как теоретических вопросов, так и конкретной социально-экономической истории эллинистических обществ. В частности, в ходе обсуждения положения производителей материальных благ на страницах «Вестника древней истории» вопросы рабовладения в эллинистическом Египте рассматривались в статьях Н. Н. Пикуса и И. Д. Амусина, египетские поземельные отношения — в работах К. К. Зельмина и А. И. Павловской, вопросы землевладения и городского строя — в статьях Г. Х. Саркисяна. Статьи К. М. Колобовой и Н. В. Шафранской по социально-политической истории государств Северного Причерноморья ставят вопрос о сходстве в этом отношении между этими государствами и эллинистическими странами.

Таким образом, в отличие от других отраслей древней истории, здесь много внимания уделялось именно проблеме аграрных отношений. Изучение землевладения в странах эллинизма крайне важно не только само по себе, но и потому, что оно помогает разрешению ряда проблем истории древневосточных обществ.

Однако важность изучения аграрных отношений не снимает необходимости изучения других вопросов социально-экономической истории эллинистических обществ.

Наряду с продолжением исследования поземельных отношений и, в особенности, истории общины и ее разложения, необходимо обратить большее внимание на вопросы социальной структуры и классовой борьбы, на вопрос о степени развития в эллинистических государствах рабовладения и товарно-денежных отношений.

Дальнейшее исследование конкретных вопросов социально-экономической истории эллинистических обществ позволит более уверенно решать и такие крупные теоретические проблемы, как вопрос о степени развития рабовладельческих отношений в этих обществах, об их сходстве и раздвоении с древневосточными и античными обществами, о роли греко-македонского завоевания, о так называемых восточных корнях эллинизма, о путях разложения общинного и развития частного землевладения и о сущности эллинизма в целом.

Что касается изучения социально-экономических отношений в Средиземноморье времени Римской империи, то здесь «Вестник древней истории» уделял в последнее время основное внимание Италии, западным и дунай-

ско-балканским провинциям (статьи С. Л. Утченко, М. Е. Сергеев, С. И. Ковалева, Н. А. Машкина, Е. М. Штаерман, О. В. Кудрявцева, Н. Н. Беловой). Значительно меньше сделано в нашей науке и в частности в «Вестнике древней истории» по социально-экономической истории провинций и зависимых царств юго-восточного Средиземноморья. Между тем для понимания общих закономерностей развития рабовладельческого общества Средиземноморья в этот период совершенно необходимо детально исследовать и те социально-экономические процессы, которые имели место в восточных провинциях, тем более, что для некоторых из них, например для Египта, имеются исключительно богатые источники, в том числе на местных языках, которые пока еще в нашей литературе используются совершенно недостаточно.

Особенно важное значение для изучения социально-экономического развития Средиземноморья на этом последнем этапе существования имеет вопрос об отношениях собственности, без изучения которого для всех областей империи невозможно решить проблему перехода от рабовладельческого строя к феодальному.

Для решения этой последней проблемы чрезвычайно важно также усилить исследование социально-экономических отношений в ранней Византии и в тех государствах, которые возникли на обломках Западной римской империи, а также общественного строя «варваров» накануне их вторжения в Империю. Большую работу по этим вопросам ведут советские византилисты, но в «Вестнике древней истории» эта тематика почти не находит отражения.

Остается еще сказать об изучении социально-экономического строя стран, в которых развитие рабовладельческих отношений падает на время эллинизма и Римской империи, но которые имели свою самостоятельную историю, государств Закавказья, Средней Азии, Парфии и сасанидского Ирана. Скудость источников по истории этих стран, естественно, не позволяет пока дать детальное исследование их социально-экономического строя, однако археологические и эпиграфические открытия последнего времени позволяют уже сейчас начать работу в этом направлении.

Изучение этих проблем чрезвычайно важно как для истории этих стран, так и потому, что оно может дать интереснейший параллельный материал для изучения экономики соседних стран. Изучение экономики сасанидского Ирана важно еще также и для решения проблемы перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Передней Азии. Между тем на страницах «Вестника древней истории» из этих вопросов рассматривались пока только некоторые: статьи С. Т. Еремяна были посвящены экономике древней Армении, А. Г. Периханян, Дьяконовых — Лившица, М. Е. Массона и И. Н. Винникова — Парфии.

Современное состояние изучения социально-экономических отношений древнего мира позволяет и даже требует во много раз увеличить творческий контакт между специалистами в различных отраслях древней истории.

Совершенно ясно, что исследование аграрных отношений эллинистического времени может оказать самую существенную помощь при истолковании темных и отрывочных источников по истории древневосточных стран. Для истории социально-экономических отношений ранней Греции важно не только исследование вопроса о восточном влиянии, но и сопоставление ее институтов с институтами стран древнего Востока.

Основательное знакомство с социально-экономической историей античности совершенно необходимо и специалисту-востоковеду.

Наконец, решение таких вопросов, как социально-экономический и политический строй древневосточного города, с одной стороны, и античного полиса, с другой, необходимо предполагает тесный творческий контакт

между востоковедами и античниками и, самое главное, взаимное использование полученных результатов.

В связи с этим особенное значение приобретает в настоящее время издание переводов источников, что должно дать в руки специалистов по смежным областям материал для сопоставления фактов и является непременным условием того расширения кругозора специалистов, которого настоятельно требует современное состояние нашей науки. Эти издания должны осуществляться обязательно в виде параллельных публикаций текстов в оригинале (или транслитерации) и в переводе на высоком научно-техническом уровне. Осуществление этой задачи — первоочередная обязанность наших научных учреждений, тем более, что тем самым будет оказана и существенная помощь нашим учебным заведениям.

Уровень, достигнутый нашей наукой в области изучения социально-экономических отношений древнего мира, открывает, таким образом, широкие перспективы ее дальнейшего развития. «Вестник древней истории» со своей стороны должен еще в большей мере содействовать этому развитию, шире привлекая на страницы журнала авторов, работающих по социально-экономической истории древнего мира.

Акад. И. И. Толстой

ИЗ ОБЛАСТИ БОСПОРСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Конец I в. до н. э. — начало I в. н. э. — это время жестокого напряжения внешней и внутренней обстановки на Боспоре. В истории Боспора этого времени начинает играть все более и более видную роль местное негреческое население. Скифо-сарматский мир становится одной из решающих сил и в международных отношениях всего древнего мира. Именно поэтому римские принцессы напряженно следят за военной обстановкой в Причерноморье и стремятся контролировать политику боспорских царей.

В связи с этим для исследователя истории Северного Причерноморья этого времени особый интерес приобретают вопросы этнического состава населения и этнической борьбы в Боспорском царстве. При скудости и отрывочности наших источников вполне естественно, что многие из этих вопросов остаются неясными и спорными. Так, в частности, не может считаться решенным вопрос о значении термина «аспургиане».

Далеко не достаточно исследованы и вопросы этнического состава населения Танаиса — этого своеобразнейшего полиса, который представлял собой крайний северо-восточный пункт античного мира. Вопрос об этническом составе населения Танаиса особенно важен потому, что, как справедливо отметила Т. Н. Книпович, в этом городе в I—III вв. н. э. «идет борьба за власть над данной областью, и претендентами выступают, с одной стороны, представители господствующих слоев местного населения района Придонья, с другой — господствующий класс Танаиса, с третьей — правительство Боспора, желающее прочно захватить в свои руки основанную им колонию»¹.

✱

В вопросе о значении термина «аспургиане» данные источников чрезвычайно скудны и неясны. У Страбона «аспургиане» упоминаются в связи с рассказом о гибели Полемона, сирийского грека, сына ретора Зенона Лаодикейского, бывшего римским ставленником на боспорском престоле. Это событие относится к 8 г. до н. э. Страбон сообщает: «К числу меотов принадлежат и аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгиппией, на пространстве в 500 стадиев. Напав на них под личиной дружбы, царь Полемон, чья хитрость была ими раскрыта, сам был, в свою очередь, ими обманут и умер, попав к ним в плен» (XI, 2, стр. 495). А в XII книге, рассказывая о Пифодориде, Страбон сообщает, что «Пифодорида,

¹ Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 101.